

СЕРДЦЕ СЕРАФИМА

*Вокруг меня призраки — визгливы их голоса.
Вокруг меня призраки — слышать их не желаю.
Как долго искал я Бога — но Бог всегда ускользает,
И кажется мне порою — не призрак ли я сам?*

*Цветет весенняя Пустошь — бел аконит в волосах.
Любовью и злобой мне кровь отравить пытались,
Но глупое сердце бьется — и больше всего страдает,
Когда ни любви, ни злобы не видно в живых глазах.*

*Вокруг меня призраки — как жаль, что я не умею
Спасти их, наполнить сердцем пустых оболочек лед.
Пусть призрачные иллюзии мой честный клинок развеет.*

*Отравлен медвяный вереск, но кровью очищен мед.
И медом сочатся раны, и медом молитвы зреют.
Цветет весенняя Пустошь — и сердце мое цветет.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Дорогие друзья!

Вы держите в руках мою первую книгу.

Это история одного мира, в которой, на фоне разворачивающихся глобальных событий, акценты расставлены на личностных трудностях, внутренних переживаниях и трансформациях героев.

Можно сказать, это история пути души.

Она пришла мне в голову уже очень давно и с тех пор осталась в моей жизни. Есть чувство, что всё это на самом деле существует в каком-то слое реальности, происходит где-то в одном из бесконечного множества вариантов вселенной. Мне нравится думать, что этот мир жив. Он живет в том числе и благодаря тому, что книга о нем написана и вы читаете ее. Таким образом мы можем заглянуть в иное, выйти за границы обыденности и оказаться в торжественно-мрачном Ледуме, а затем — в блистательной и пышной Аманите.

Надеюсь, Ювелирный мир станет и вашим миром тоже. Наука тут уживается с магией, а святая вера, не желая сдавать позиций, сеет страх и террор. Любовь превратилась в товар, а искренние чувства редки — и всегда идут под руку со смертью.

Краеугольный камень этого мира — город Ледум, ледяной алмаз Севера. Он прорастет сквозь вас — незаметно, как хищный сорняк, так крепко, что нельзя вырвать. Вы будете любить его или ненавидеть, а скорее всего — и то и другое сразу.

Добро пожаловать в Ледум!

ГЛАВА 1,

в которой все только начинается

— Прошу прощения, сэр. Гость, которого вы ожидаете, прибыл.

На полированном письменном столе царил образцовый порядок. Толстые, увесистые связки писем, стопки крепко сшитых листов, сафьяновые тетради, книги в мягких шагреновых переплетах, разных мастей описи — идеально организованные бумаги на любой вкус, если тот в достаточной степени извращен педантизмом. Сам стол мог бы служить, пожалуй, достойным экспонатом в музее занимательной бюрократии, существу таковые в Ледуме. Он представлялся не просто столом, нет: столь приземленное, оскорбительное слово определенно умалило бы его значение! Он являл собою начало системы координат, эпицентр событий.

Ни дать ни взять точка отсчета, в разные стороны от которой расплескалась рабочая комната.

Трудящийся за столом человек также выглядел образцово. Преувеличенно аккуратным жестом он закрыл чернильницу и отложил в сторону только что законченный лист. Не отрывая от своего детища глаз, молча вставил в футляр приметное серебристо-белое перо: на раздвоенном наконечнике из легкого металла красовалась затейливая гравировка.

Ализариновые чернила высыхали, переходя из зеленоватого в интенсивный иссиня-черный, принятый для большинства официальных документов. Когда

последний выведенный каллиграфическим почерком знак приобрел бархатный, приятный глазу оттенок индиго, Кристофер накрыл его чистой бумагой и, немало поколебавшись, извлек из ближнего выдвижного ящика револьвер. Удобнее устроив рукоять в ладони, словно бы привыкая к опасной тяжести, он жестом велел камердинеру включить люстру.

Сегодня с делами пришлось припоздниться. В полумраке массивная бронзовая с хрусталем конструкция казалась тучным телом повешенного, застывшим в петле в неэстетичном посмертном окоченении. Не слишком-то добрый знак, когда повсюду мерещатся покойники, однако вполне объяснимый.

И это лишь легкие, невинные отголоски всеобщей истерии последних дней!

Вздохнув, Кристофер посмотрел поверх злополучной люстры, дабы отвлечься от мрачных ассоциаций. Узорчатым куполом над ним расцветал потолок: высокий, бессовестно расписной и выложенный превосходными мозаичными панно — таким и полагалось быть потолку приличного замка.

Что уж говорить, во всей Бреонии маловато нашлось бы архитектурных сооружений, способных соперничать с официальной резиденцией правителя Ледума. Она производила на посетителей неизгладимое впечатление — и, надо признать, вполне заслуженно.

И дело тут не в великолепии замковой стены, не в фасаде, размеренном сложной формы пилястрами и арками, обильно украшенном барельефами и золочеными резными карнизами. Не в изысках фронтонной композиции и декорационных деталей вроде междуоконных ниш, ваз и величавых скульптур на крыше. И даже не в богатстве внутреннего убранства, поражающего воображение самых искушенных ценителей красоты.

Конечно, все это было немаловажно, но самое главное — явленная роскошь, при всей ее головокружи-

тельности, демонстрировала утонченность и безупречно строгое чувство стиля.

Кристофера это вполне устраивало.

Прохладные весенние сумерки уже заползли в кабинет, но новомодное электричество без труда выдворило их обратно. Вот она, сила современной науки! Искусственное освещение не оставляло теням ни шанса. Оно смело меняло пропорции, делая очертания предметов резкими, бритвенно-острыми; играло не только контурами, но и красками.

Кристофер с удовлетворением взгляделся в происходившие вокруг метаморфозы. Комната преобразалась как по волшебству. Холодные цвета темнели и незаметно меняли оттенки: лиловые чуть краснели, голубые казались серебряно-серыми, синие — невыразительными и тусклыми. Теплые тона, наоборот, охлаждались и блекли: алые выглядели значительно более фиолетовыми, оранжевые — коричневатыми, а в желтых нет-нет да и просвечивала зеленца.

Конечно, живой свет огня выглядел естественнее и приятнее глазу, он создавал знакомое всем с детства ощущение уюта. По этой причине многие до сих пор предпочитали свечи, но Кристофер не был ретроградом.

Отнюдь.

— Пригласи его, Патрик.

Нервным движением Кристофер поправил муслиновый шейный платок — верный признак принадлежности к высшему свету. Стоит отметить, что тот и так был повязан безукоризненно, по всем правилам нынешней моды. Белый цвет освежал и удачно завершал продуманный до мелочей образ аристократа, добавляя тщательно рассчитанную нотку небрежности. Белый цвет — это всегда изыск, шик.

Вошедший был невысок и худощав — остальное скрывали плащ с высоким плотным воротом и броская широкополая шляпа. Вид револьвера в руке Кристофера ничуть не смутил пришельца — похоже, он привык к подобному специфическому гостеприимству. Гость

коротко поклонился и замер, но бездействие это казалось каким-то нестабильным, текучим. Будто в любой миг оно может с легкостью перейти в совершенно неожиданную и оттого неприятную активность.

— Разве тебе не предложили оставить верхнюю одежду, Себастьян?

Голос прозвучал хорошо, без опасения и неприязни. Разумеется, вопрос был риторический: по специальному распоряжению хозяев гостя пропустили без обыска. Демонстрация доверия — в интригующих складках плаща можно при желании схоронить хоть сам вход в преисподнюю, не то что какой-то там вполне себе земной арсенал.

По натуре своей Кристофер был дипломатом и не хотел без нужды провоцировать конфликт. Требование разоружиться, неизбежный отказ, препирательства со стражей... вся эта вульгарная суета сорвала бы разговор еще до начала.

С другой стороны, оружие, открыто взятое им самим, четко обозначало позицию хозяев и готовность к любому развитию событий. Пусть даже этого «развития», само собой, хотелось бы избежать.

Оставалось надеяться, что и у визави его хватит ума воздержаться от необдуманных слов и поступков.

Кристофер продолжил придирчиво рассматривать вошедшего. Он видел наемника впервые, но был более чем наслышан. Откровенно говоря, тот не производил впечатления. Не оправдывал, так сказать, щедро подпитанных воображением ожиданий. Не приходилось сомневаться: профессиональные качества гостя действительно на высоте, однако непрезентабельный внешний вид... вот то небольшое, чего Кристофер не мог простить. Да хоть бы шляпу свою, невежа, стянуть удосужился!..

Увы, когда речь шла о людях подобного происхождения, рассчитывать на манеры просто глупо. Кристофер едва удержался от презрительной гримасы, но привычка соблюдать придворный этикет помогла сохра-

нить на лице неизменное прохладно-благожелательное выражение.

— Я встречаюсь с клиентами только на нейтральной территории, — не ответив на заданный вопрос, спокойно заметил Себастьян, — но личное письмо правителя Ледума — с определенными гарантиями — заставило меня изменить принципам.

Очень сдержанно Кристофер улыбнулся — насколько того заслуживал простолоудин. О каких еще принципах осмеливается рассуждать тот, единственный вопрос которого на любой заказ — «Сколько?» И двадцать пять золотых, щедрой рукой приложенные к письму, наверняка сыграли не последнюю роль.

Но вслух он сказал другое:

— И мы не привыкли приглашать лис в курятник. Нас вынудило дело особой важности.

Себастьян с готовностью кивнул. От резкого движения непослушные вихры растрепались, донельзя раздражая педантичного Кристофера. В художественном беспорядке на голове угадывалось дерзкое, недопустимое свободолюбие. Но беспорядок всегда следовало устранять: и в волосах, и в мыслях. А цвет-то, цвет!.. Светло-светло-рыжий, отливающий то золотом, то блестящей медью, — прозрачное пламя.

А вот это уже примечательно. Такие краски действительно нужно скрывать: они не просто символичны, они... выдают многое.

Кристофер нахмурился. Чересчур увлекшись своими мыслями, он не углядел, когда Себастьян успел-таки снять шляпу. Но ведь... кажется, он смотрел на того неотрывно?

Возможно ли, что взгляд его сумели отвести?

Похоже, слухи о некоторых необычных способностях знаменитого ювелира — все-таки не просто слухи.

Что ж, тем лучше для поручения, которое Кристофер собирался дать.

— Речь идет не о рядовом заказе, как ты понимаешь, — издали приступил он, не торопясь переходить

непосредственно к делу. — Нам нужна информация. Информация о твоих недавних сделках.

Себастьян отрицательно качнул головой, будто нарочно порождая новую волну хаоса на голове — и новую волну тщательно спрятанного собеседником невольного раздражения. Кристофер был почти готов увидеть в глазах гостя лукавство, но тот, хвала всем богам, догадался опустить взгляд.

— К сожалению, такая информация не продается, — просто ответил Себастьян. — Никогда. Клиенты должны быть уверены в полной конфиденциальности услуг, которые я предоставляю.

— Мы понимаем, что интересы клиента — дело святое, — холодно согласился Кристофер, хотя тон его весьма красноречиво говорил об обратном. — Но не спеши отказываться от сотрудничества, Себастьян. Лорда Эдварда интересует только самый последний заказ, исполненный не далее двух дней назад. Кто заказал тебе черный турмалин? Достаточно ответить на один-единственный вопрос, и мы вознаградим тебя, не скупясь. Не торопись. Подумай дважды. Ты знаешь, от чьего имени я говорю. Стоит ли делать августейшего правителя Ледума своим врагом?

Ожидая реакции, Кристофер внимательно следил за гостем. Угрожать ему отчего-то совершенно не хотелось. Себастьян не имел внушительного или грозного вида, но что-то не давало Кристоферу вернуть утраченное чувство безопасности. Здесь, в собственном тщательно охраняемом кабинете, с заряженным револьвером в руках, он не был защищен в должной мере. Сам не понимая зачем, большим пальцем аристократ медленно взвел курок и хорошенько прицелился. Смутная, неуловимая тревога нарастала, не оставляя теперь и тени сомнений: перед ним Серафим.

Тот самый.

Палец едва заметно подрагивал на спусковом крючке.

— Хорошо. — Гость все-таки поднял взгляд, и Кристофер замер: зеленые глаза смотрели на него безо всякого выражения. Они были пусты и будто вбирали все, чего касались, — как всякая пустота, стремясь к наполнению. Густой, странный цвет нездешнего заволаживал. — Поскольку ответ никому не повредит, я отвечу. Черный турмалин не заказывали у меня последние восемь... пожалуй, даже девять месяцев. Камень этот широко распространен, но при этом прихотлив и капризен. Мало кто хочет возиться.

Подумав, нарочито ленивым движением Кристофер отложил револьвер на широкую столешницу. Разговор протекал довольно-таки мирно, и долго держать под прицелом собеседника, не проявляющего и намека на агрессию, казалось глупым.

Стоит заметить, подобные скоропалительные выводы иногда могли стоить жизни в том не прощающем ошибок мире, откуда явился его гость.

— В таком случае...

Кристофер на минуту замолк, раскуривая длинную тонкую сигару.

— ...Милорд желает тебя нанять. Мы заплатим тысячу золотых, если сумеешь найти черный турмалин, который был заказан недавно у кого-то из твоих коллег. В крайнем случае выясни имя заказчика. Гонорар тот же при условии, что факты будут предоставлены неоспоримые.

— Половину суммы сразу.

— Патрик выдаст деньги.

Кристофер глубоко затянулся, и — отразившееся на лице удовольствие давало понять — вовсе не табаком. Аристократ знал, что электрический свет выгодно усиливает благородные контрасты его внешности: загорался холодным пламенем черный оникс волос, а кожа начинала сиять ярко, как бледное серебро. Должно быть, приглашенный наемный ювелир на все кругом смотрит именно так, сквозь призму своей профессии.

— Но есть нюанс, — веско добавил Кристофер. — Срок исполнения заказа — двадцать восемь дней. Это важно. Как только луна родится вновь, наш договор потеряет силу. В этом случае задаток придется вернуть.

Он выжидающе посмотрел на гостя. Тот, однако, был невозмутим.

— За срочность я беру еще десять процентов сверху. Это устраивает?

Не прерывая новой затяжки, Кристофер без слов кивнул. Как известно, торговаться среди ювелиров не принято. Наемник называет цену — заказчик соглашается. Либо отказывается и ищет другого специалиста. Все просто.

— По рукам, — подвел итог Себастьян, хотя это было исключительно условное выражение — рук они не пожали.

— Теперь, когда мы достигли соглашения в главном, осталось обсудить детали. — Плавные линии губ сложились особым образом, выдыхая чуть сладковатый опиумный дымок.

Кристофер прикрыл глаза и, наконец расслабившись, откинулся назад, вальяжно скрещивая руки. Вся поза его говорила, что он беседует с подчиненным. Может, привычка, а может, аристократ не позволял и на мгновение позабыть о лежащей между ним и гостем непреодолимой социальной пропасти. Как бы то ни было, вопросы неравенства мало заботили Себастьяна: словно отвергая установленный порядок вещей, он держал себя спокойно и уверенно. Столь спокойно и уверенно, что это казалось почти вызовом.

— Ты узнаешь все, что необходимо.

— Это обнадеживает. — Наемник, однако, не спешил задавать вопросы.

Стремясь извлечь из разговора как можно более полную информацию, он выдержал небольшую паузу, обдумывая принятое предложение. Прямота и неподвижность взгляда, нацеленного точно на Кристофера, заставляли усомниться, что Себастьян замечает